

этих текстов ранее публиковалась в различных сборниках, другие — впервые вводятся в научный оборот. Среди них не только постановления и распоряжения руководителей страны и города об организации обороны и помощи осаждённым (I, с. 74—101, 190—200, 252—259), но и отрывки из блокадного дневника старшего бухгалтера Института лёгкой промышленности Н.П. Горшкова (I, с. 124—128, 181—190, 229—237), фрагменты воспоминаний народного комиссара Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецова (I, с. 142—144), запись из блокадного дневника школьницы Лены Мухиной (I, с. 262—263) и многие другие высказывания, говорящие о мужестве и стойкости защитников и жителей города. Все три книги хорошо иллюстрированы, причём некоторые фотографии представлены впервые.

В приложении ко второй книге помещена статья известных учёных — доктора медицинских наук, профессора В.Б. Симоненко и блокадницы, доктора биологических наук С.В. Магаевой «Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза» (II, с. 502—525), а к книге третьей — статья В.М. Ковальчука и Г.Л. Соболева «Ленинградский “Реквием”: история с продолжением (О жертвах населения в годы войны и блокады)», напечатанная в 1965 г. в журнале «Вопросы истории» (III, с. 729—735). Болезненная реакция на неё в 1970-е гг. ответственных государственных и партийных работников (III, с. 735—748) помогает понять, «в каких условиях историкам приходилось в недалёком прошлом отстаивать своё право на изучение “тёмных пятен” блокады» (III, с. 729).

Месяц за месяцем анализируя боевые действия и ситуацию в городе, в стране, в мире, Г.Л. Соболев подчас академически сух, он не идеализирует и не драматизирует описываемые события, но от этого ещё осязаемей становится и ужас зимних будней 1941/42 гг., и радость побед 1943—1944 гг. Его трилогия внесла весомый вклад в изучение блокады Ленинграда. В настоящее время различные её аспекты успешно разрабатываются в статьях П.С. Чекалева-Демидовского, Н.А. Ломагина, В.Л. Пянкевича, А.Н. Чистикова, К.А. Болдовского, В.А. Мосунова¹⁶. Историческая память не должна угаснуть.

Елена Твердюкова: Проживая историю

Elena Tverdyukova (Saint Petersburg State University, Russia): Living history

DOI: 10.31857/S086956870005189-8

В Санкт-Петербурге имеются многолетние традиции по изучению ленинградской блокады. В трудах Б.П. Белозёрова, А.Р. Дзенискевича, В.М. Ковальчука

¹⁶ *Чекалев-Демидовский П.С.* Газогенераторный транспорт как попытка решения проблемы топливного обеспечения блокадного Ленинграда // Новейшая история России. 2018. № 4. С. 868—879; *Ломагин Н.А.* «Народному комиссару обороны товарищу Сталину»: донесения командующего Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилова // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 35—55; *Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября — начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 56—69; *Болдовский К.А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. № 1. С. 70—82; *Мосунов В.А.* Попытка прорыва блокады Ленинграда в декабре 1941 г. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 265—272. См. также новейшие публикации источников: Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского совета. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 гг. / Отв. ред. А.Н. Чистиков; отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2017; Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941—1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. 1 / Отв. сост. К.А. Болдовский. СПб., 2019.

и других исследователей анализировались проблемы жизнеобеспечения в блокадном городе, подчёркивалось стратегическое значение битвы за Ленинград, воссоздавались страницы героической и самоотверженной борьбы его жителей с врагом¹⁷. В последнее время историки всё чаще обращают внимание на бытовое поведение и способы выживания населения в чрезвычайных условиях города-фронта, индивидуальные и массовые настроения, слухи и проч.¹⁸

Вместе с тем, как справедливо отмечает один из виднейших представителей петербургской научной школы Г.Л. Соболев, не только сама блокада (которую он пережил ребёнком, не покидая Ленинград ни на один день до конца войны) — явление трагическое, но и её изучение. Уже в ходе раскручивания «Ленинградского дела» одним из главных обвинений стало «выпячивание» роли города в событиях Великой Отечественной войны и распространение «мифа» об особой судьбе Ленинграда. Высшее руководство страны сначала позволило ленинградской партийной организации написать собственную историю блокады, но затем почти сразу же лишило её такого права, заставляя описывать прошлое с позиций союзного центра¹⁹. Репрессии против бывших руководителей обороны города почти на десять лет создали вокруг неё информационный вакуум. Да и в дальнейшем из-за засекреченности многих архивных документов исследователи долгие годы испытывали «источниковый голод», располагая фактически лишь несколькими разрозненными тематическими публикациями, подготовка и выход которых зависели от идеологической политики КПСС.

В таких условиях стремление учёных нарушить устоявшийся «канон» и донести до общественности правду о блокаде нередко наталкивалось на противодействие партийных функционеров. Об этом, в частности, свидетельствовала попытка В.М. Ковальчука и Г.Л. Соболева оспорить официальные данные о числе погибших горожан (III, с. 729—748). В наши дни, к сожалению, также существует опасность превращения ряда событий Великой Отечественной войны в идеологический фетиш. Поэтому историки не могут ограничиться добротной реконструкцией прошлого, избегая научного объяснения и взвешенной оценки последствий принимавшихся в критической обстановке решений.

Соболев это отчётливо сознаёт. В частности, он пишет о фатальном просчёте ленинградского руководства, не замечавшего катастрофической опасности неопределённости продовольствием города, где проживало более двух миллионов жителей, половину из которых составляли дети и иждивенцы. Бремя ответственности за их судьбу лежало именно на Смольном. Снабжение Ленинграда всегда являлось дотационным, о чём власти были прекрасно осведомлены. 2 июня 1941 г. в кратком информационном сообщении, направленном наркомом торговли СССР и РСФСР (А.В. Любимову и Д.В. Павлову), заведующий отделом торговли Ленгорисполкома И.А. Андреев указывал на крайнюю недостаточность фондов муки, предназначенных для города: они обеспечивали лишь

¹⁷ Дзенискевич А.Р. Заводы на линии фронта. М., 1978; Ковальчук В.М. 900 дней блокады Ленинграда. 1941—1944. СПб., 2005; Белозёров Б.П. Ленинград сражающийся. 1941. СПб., 2016.

¹⁸ Яров С.В. Блокадная этика...; Пянкевич В.Л. «Люди жили слухами»...; Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб., 2014; Ходяков М.В. «Литерный откорм процветает баснословно»: продовольственные привилегии в блокированном Ленинграде. 1941—1943 гг. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII—XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию В.С. Измозика. СПб., 2018. С. 209—216; Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н. Пешком по озеру... С. 56—68.

¹⁹ Бранденбергер Д. «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской тракторки блокады в сталинском СССР. 1949—1950 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 175.

потребности хлебопекарной промышленности и общественного питания, тогда как возможность пустить муку в розничную продажу отсутствовала; на июнь пшеничной муки высшего сорта было выделено на 800 т меньше, чем требовалось в заявке, муки 1-го сорта — на 1 600 т, муки 2-го сорта — на 200 т²⁰. Городу не хватало также рыбы, сахара, чая, растительного масла, яиц; систематически не выполнялись планы централизованного завоза молочных продуктов (в мае 1941 г. — всего 57,7% от запланированного). Несмотря на то что ряд основных продовольственных товаров не поступал в открытую продажу, не обеспечивалось и создание резервов, в апреле—мае Наркомат торговли СССР сократил поставки в город сливочного масла, маргарина, колбасных и кондитерских изделий, сыра, консервов и других продуктов массового спроса. В результате за два предшествовавших войне месяца Ленинград не получил товаров (в том числе длительного хранения) на 47 млн руб.²¹ Нежелание властей сделать реалистичные выводы из кризиса снабжения, охватившего город в 1939—1940 гг. во время войны с Финляндией, привело к тому, что в нём в принципе не создавалось ни серьёзных запасов, ни условий для долгосрочного складирования продовольствия.

Ссылаясь на опыт обороны Мадрида, городское руководство признавало необходимость эвакуации из Ленинграда в военное время детей и стариков. Ещё 13 апреля 1937 г. на суженном заседании президиума Ленгорсовета приняло постановление просить СНК СССР санкционировать вывоз вглубь страны в случае войны 400—500 тыс. человек, дабы «значительные контингенты детей и пожилых» не осложняли организацию обороны²². С 29 июня по 27 августа 1941 г. были эвакуированы 488 703 ленинградца (в том числе 220 тыс. детей)²³. Но многих из них вывозили в районы Ленинградской обл., ставшие смертельно опасными вследствие быстрого продвижения немецких войск, и вскоре они или вернулись назад, или погибли при налётах вражеской авиации. Неудачно и непродуманно организованная первая эвакуация привела к тому, что дальнейшие призывы покинуть город не находили отклика у жителей. Люди переставали верить власти. Начальник планового отдела 7-й гидроэлектростанции И.Д. Зеленская в ноябре 1941 г. отметила в дневнике: «Кто же это “они” и “мы”? Такое деление частенько приходится слышать. Начальство? Коммунисты?»²⁴. Однако, несмотря на очевидную (и существенную) разницу в условиях быта рядовых горожан и людей, в той или иной степени облечённых властными полномочиями, их объединяло понимание того, что в случае падения города неминуемая гибель ждёт всех. И не случайно на страницах трилогии Соболева блокадная история излагается словами и обычных тружеников, и представителей военного командования, и хозяев Смольного, и высших должностных лиц из Кремля. Только это даёт возможность создать картину трагедии, пережитой сообща.

Несомненное достоинство труда Соболева состоит и в том, что в нём детально прослеживается «выход» города и горожан из блокады и показано

²⁰ ЦГА СПб., ф. 7082, оп. 2, д. 110, л. 171.

²¹ Там же, л. 175.

²² Соответствующее письмо было направлено председателю СНК СССР В.М. Молотову и наркому обороны К.Е. Ворошилову (Там же, ф. 7384, оп. 36, д. 6, л. 37 об.).

²³ 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. / Сост. Х.Х. Камалов, Р.В. Сердюк, Ю.С. Токарев. М., 1966. С. 106.

²⁴ «Я не сдамся до последнего...». Записки из блокадного Ленинграда / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб., 2010. С. 38.

реальное значение 1943 г. в блокадной эпопее, долгое время остававшееся в тени драматических событий 1941—1942 гг. Между тем до сих пор ещё недостаточно изучены особенности поведения человека в условиях, когда он перестаёт балансировать на грани смерти, когда от него не требуется уже ежедневного героизма, когда в его повседневном быту появляются забытые, казалось бы, вещи и явления — патефон, новые туфли, завивка-перманент, когда даже дерущиеся во дворе мальчишки становятся символом возвращения к мирной жизни. И тут также не обойтись без сочетания методов институциональной и социальной истории, антропологии, психологии, без известных познаний в медицине. Такой комплексный подход, использованный Г.Л. Соболевым при создании трилогии «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде», наглядно демонстрирует, как важно порой исследователю «прожить» историю вместе со своими героями.

Никита Ломагин: Захватывающая эпопея Г.Л. Соболева

Nikita Lomagin (European University at Saint Petersburg): The exciting epic of G.L. Sobolev

DOI: 10.31857/S086956870005190-0

Появление фундаментальной работы о ленинградской блокаде, созданной известным петербургским историком Г.Л. Соболевым, — выдающееся событие в отечественной историографии. Впервые на основании самого широкого круга источников и научной литературы описаны и синхронизированы по месяцам события, происходившие в блокадном кольце и за его пределами. Это позволило выявить важнейшие черты жизни города-фронта, рассказать читателю о борьбе с немецкими и финскими войсками во всей её суровости и трагичности.

Удачной представляется выбранная Соболевым структура изложения: анализ важнейших обстоятельств каждого месяца обороны Ленинграда подкреплён тщательно отобранными документами центральных органов власти и управления СССР, Военного совета Ленинградского фронта, извлечениями из воспоминаний военачальников и дневников ленинградцев (практически из всех слоёв населения). Голоса генералов и рядовых, известных артистов, учёных, рабочих, инженеров, учителей, школьников не только ярко передают страдания, сомнения и надежды сотен тысяч людей на протяжении почти 900 блокадных дней, но и образуют многомерное пространство битвы за Ленинград и жизни в осаждённом городе, который его защитники и жители смогли не только отстоять, но и сохранить как социальную среду и общность, способную к возрождению и развитию.

Автору удалось совместить, казалось бы, несовместимое — политику (отношения Кремля и Смольного) с повседневностью. В трилогии звучат голоса тех, кто принимал решения (И.В. Сталин, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков, М.С. Хозин, Л.А. Говоров, А.А. Жданов, А.А. Кузнецов, П.С. Попков и др.), и тех, кого они прямо или косвенно касались. Для этого Соболев исследовал дневники десятков горожан. Среди них главный инженер завода «Судомех» В.Ф. Черкизов, старший бухгалтер Института лёгкой промышленности Н.П. Горшков, начальник планового отдела 7-й ГЭС И.Д. Зеленская, актёр Ф.А. Грязнов, директор Архива Академии наук СССР Г.А. Князев, секретарь партбюро 14-го хлебозавода М.П. Фёдорова, учительница Т.К. Великонтная, востоковед А.Н. Болдырев, школьница Е. Мухина